

Царевна лягушка.

Жили на свѣтѣ царь съ царицею. Было у нихъ три сына. Всѣ удалъцы такіе, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Младшаго изъ нихъ звали Иваномъ - царевичемъ.

Задумалъ царь сыновей своихъ женить, позовалъ ихъ и говорить

— Дѣти мои милыя! пора вамъ жениться. Возьмите-ка вы по стрѣлѣ, натяните тугіе луки и пустите стрѣлы въ разныя стороны. На чей дворъ стрѣла упадетъ, тамъ и сватайтесь.

У старшаго брата стрѣла упала на княжескій дворъ. Средній братъ пустилъ стрѣлу и попалъ на боярскій дворъ. Наступилъ чередъ Ивана-царевича. Пустилъ онъ стрѣлу, и попала она въ грязное болото, гдѣ жила лягушка-квакушка.

Запечалился Иванъ-царевичъ и думаетъ:

«Какъ я стану жить съ лягушкой?»

— Знать, судьба твоя такая!—отвѣчаетъ ему царь.—Нечего дѣлать, бери себѣ въ жены лягушку.

Поженились царевичи: старшій на княжеской дочери, средній на боярской, а Иванъ-царевичъ на лягушкѣ-квакушкѣ.

Много ли, мало ли прошло времени, только захотѣлъ царь узнать, которая изъ невѣстокъ лучшая хозяйка. Позвалъ онъ къ себѣ сыновей и приказываетъ

— Пусть ваши жены испекутъ мнѣ къ завтрашнему дню по бѣлому хлѣбу.

Идетъ Иванъ-царевичъ домой невеселъ, ниже плечъ буйную голову повѣсилъ.

— Ква-ква, Иванъ-царевичъ, что такъ печаленъ?— спрашиваетъ его лягушка.— Иль горе какое приключилось?

— Какъ же мнѣ веселымъ быть: государь мой батюшка приказалъ тебѣ къ завтраму бѣлый хлѣбъ испечь.

— Ну, это бѣда небольшая. Ложись-ка спать, царевичъ, утро вечера мудренѣе!

Легъ царевичъ спать, а лягушечка ударилась объ землю, сбросила свою лягушечью кожу и обернулась красной дѣвицей, Василисою Прекрасною. Вышла она на крыльцо и закричала:

— Слуги мои вѣрные! приготовьте мнѣ къ завтраму мягкій бѣлый хлѣбъ, какой ѣла я у моего батюшки.

Проснулся на утро Иванъ-царевичъ, видитъ—хлѣбъ давно готовъ, на столѣ лежитъ.

Взялъ Иванъ-царевичъ хлѣбъ и понесъ къ отцу. Старшіе братья тоже принесли хлѣбы,—стоятъ, отца ожидаютъ. Вышелъ царь, принялъ хлѣбъ отъ старшаго сына и приказалъ слугамъ на кухню отнести. Отъ средняго сына принялъ, туда же послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича. Подалъ онъ свой хлѣбъ. Принялъ царь, посмотрѣлъ и говоритъ:

— Вотъ это хлѣбъ, всѣмъ хлѣбамъ—хлѣбъ! Я его самъ буду ѣсть.

Поблагодарилъ царь Ивана-царевича за хлѣбъ и отдалъ сыновьямъ новый приказъ:

— Пусть ваши жены соткутъ мнѣ въ одну ночь по ковру! Хочу я знать, которая изъ нихъ лучшая мастерица.

Идетъ Иванъ-царевичъ домой невеселъ, ниже плечъ буйную голову повѣсилъ.

— Ква-ква, Иванъ-царевичъ, что такъ невеселъ? Иль услышалъ отъ царя слово неласковое?

— Какъ мнѣ не печалиться: государь мой батюшка приказалъ, чтобы ты соткала ему въ одну ночь коверъ шелковый.

— Не тужи, царевичъ, ложись лучше спать: утро вечера мудренѣе!

Уложила лягушка его спать, а сама сбросила лягушечью кожу, обернулась красной дѣвицей, Василисою Прекрасной, вышла на крылечко, закричала громкимъ голосомъ:

— Эй, вы, слуги мои вѣрные, мамки-няньки! собирайтесь скорѣе шелковый коверъ ткать, чтобы былъ такой, какъ у батюшки моего родимаго!

Всталъ утромъ Иванъ-царевичъ, а у лягушки давно коверъ готовъ, да такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Пришелъ Иванъ-царевичъ къ царю, а братья ужъ давно стоятъ, ждутся. Вышелъ царь, принялъ

коверь отъ старшаго сына, поглядѣлъ и говоритъ слугамъ:

— Отнесите коверъ на заднее крыльцо, пусть слуги объ него ноги вытираютъ.

Подаль царю коверъ средній сынъ. Поглядѣлъ царь на коверъ и отослалъ его туда же.

Дошла очередь до Ивана-царевича. Развернулъ онъ коверъ передъ царемъ. Смотритъ царь на коверъ, наглядѣться не можетъ, не налюбуется.

Поблагодарилъ онъ Ивана-царевича за коверъ и говоритъ сыновьямъ:

— Хочу теперь поглядѣть на вашихъ женъ. Призовите ихъ завтра ко мнѣ на пиръ.

Пошли братья домой. Идетъ Иванъ-царевичъ и думаетъ: «Какъ покажу я въ люди жену мою ква-кушку? Засмѣютъ меня братья съ своими женами!»

Пришелъ домой, — сидитъ, плачетъ.

— Что съ тобою, Иванъ-царевичъ? — спрашиваетъ лягушечка.

— Охъ, горе мнѣ! Не знаю, что и дѣлать. Государь мой батюшка велѣлъ, чтобы я съ тобою на пиръ къ нему приходилъ.

— Есть о чемъ горевать, царевичъ! иди одинъ къ царю въ гости, а я потомъ приѣду. Какъ услышишь стукъ да громъ, такъ и скажи: вотъ моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ.

Стали на другой день къ царю гости собираться. Старшіе братья пріѣхали съ женами. Разодѣты онѣ, разубраны, а Иванъ-царевичъ одинъ пришелъ. Смѣются надъ нимъ братья, говорятъ:

— Гдѣ же жена твоя? Иль въ карманѣ у тебя сидитъ? Гдѣ ты такую красавицу нашелъ? Чай, всё болота исходилъ?

Вдругъ поднялся такой стукъ-громъ, что весь дворецъ задрожалъ

Гости перепугались.

— Не бойтесь!—говоритъ Иванъ-царевичъ.—Это моя лягушонка въ коробчонкѣ ѣдетъ.

Подѣхала къ царскому дворцу золоченая карета, въ шесть лошадей запряжена. Лакей дверцы открылъ — и вышла изъ кареты Василиса Прекрасная.

Взялъ ее Иванъ-царевичъ за руку и повелъ къ самому царю. Гости всё на нее любуются и дивятся. Сѣли за столъ,—пьютъ, ѣдятъ и веселятся.

Василиса Прекрасная выпьетъ изъ стакана, а остатки себѣ въ лѣвый рукавъ льетъ, поѣстъ — косточки въ правый рукавъ кладетъ. Увидали это жены старшихъ братьевъ, давай и сами то же дѣлать.

Послѣ ужина пошла Василиса Прекрасная съ Иваномъ-царевичемъ плясать. Махнула лѣвой рукой — озеро сдѣлалось, правой махнула — поплыли по озеру

лебеди. Дивятся гости и царь, на хитрости ея глядячи.

Послѣ пошли плясать и старшія невѣстки. Махнули онѣ лѣвыми руками—гостей забрызгали, махнули правыми—кости въ разныя стороны разлетѣлись. Разсердился царь и прогналъ ихъ съ пира.

А Иванъ-царевичъ тѣмъ временемъ улучилъ минутку, побѣжалъ скорѣй домой, отыскалъ тамъ лягушечью кожу и сжегъ ее.

Вернулась Василиса Прекрасная домой,—нѣтъ лягушечьей кожи. Заплакала она горькими слезами и говоритъ царевичу:

— Что ты надѣлалъ, Иванъ-царевичъ? Если бы немножко подождалъ, была бы я вѣчно твоею, а теперь прощай!

Обернулась бѣлой лебедью и улетѣла въ окно.

Долго горевалъ Иванъ-царевичъ, да слезами горю не поможешь,—пришлось ему итти отыскивать жену свою Василису Прекрасную.

Вотъ идетъ Иванъ-царевичъ, а навстрѣчу ему старичокъ старенькій, сѣденькій, съ палочкой плетется.

— Здорово, дѣдушка!

— Здравствуй, добрый молодецъ! Куда путь держишь?

Разсказалъ ему царевичъ про свое горе.

— Плохо ты сдѣлалъ, Иванъ-царевичъ! Зачѣмъ сжегъ лягушечью кожу? Не ты ее надѣлъ, не тебѣ и снимать было! Василиса Прекрасная хитрѣе своего отца уродилась, за это самое разсердился онъ на нее и велѣлъ ей быть три года лягушкой.

— Какъ же быть мнѣ теперь? Научи, добрый человекъ,—скажи, куда итти мнѣ?

— Вотъ тебѣ, царевичъ, клубочекъ; куда онъ покатится, туда ты и иди.

Поблагодарилъ царевичъ старичка и пошелъ за клубочкомъ.

Катится клубочекъ, а Иванъ-царевичъ за нимъ идетъ. Долго ли, коротко ли шелъ онъ,—попадаетъ ему медвѣдь: «Дай,—думаетъ царевичъ,—убью звѣря». А медвѣдь какъ заговорить человѣчьимъ голосомъ:

— Не убивай меня, царевичъ: я тебѣ пригожусь!

Пожалѣлъ Иванъ-царевичъ медвѣдя и не сталъ убивать его. Пошелъ дальше, идетъ,—глядь, а надъ нимъ соколъ летитъ. Прицѣлился царевичъ изъ ружья. только хотѣлъ выстрѣлить въ птицу, а она какъ взмолилась ему человѣчьимъ голосомъ:

— Не убивай меня, Иванъ-царевичъ: я тебѣ пригожусь!

Пожалѣлъ царевичъ и птицу и пошелъ дальше. Идетъ, а навстрѣчу ему бѣжитъ косой заяцъ. Только что царевичъ прицѣлился изъ ружья, а заяцъ ему:

— Не убивай меня, Иванъ-царевичъ: я тебѣ еще пригожусь!

Пожалѣлъ Иванъ царевичъ и зайца.

Подходить, наконецъ, Иванъ-царевичъ къ синему морю. Видить: лежитъ на берегу щука и издыхаетъ.

Говорить она Ивану-царевичу:

— Сжался надо мною, царевичъ, пусти меня въ море.

Бросилъ царевичъ щуку въ море, а самъ пошелъ берегомъ за клубочкомъ.

Подкатился тутъ клубочекъ къ избушкѣ на курьихъ лапкахъ.

Подошелъ Иванъ-царевичъ къ избушкѣ и закричалъ громкимъ голосомъ

— Избушка, избушка! Стань по-старому, какъ мать поставила: ко мнѣ передомъ, къ морю задомъ.

Повернулась избушка. Вошелъ Иванъ-царевичъ въ нее и видитъ: лежитъ на печи баба-яга, костяная нога

— Зачѣмъ, добрый молодецъ, ко мнѣ пожаловалъ?

— Ты, бабушка, прежде меня, добраго молодца, накормила бы, напоила да въ банѣ выпарила, а тогда бы и спрашивала, зачѣмъ пришелъ.

Такъ и сдѣлала баба-яга: накормила Ивана-царевича, напоила его, въ банѣ выпарила. И рассказалъ

онъ ей про свое горе, что ищетъ свою жену, Василису Прекрасную.

— Знаю, знаю!—говорить баба-яга.—Жена твоя у Кощея Безсмертнаго. Не легко съ Кощеемъ сладить: смерть его на концѣ иглы, та игла въ яйцѣ, то яйцо въ уткѣ, та утка въ зайцѣ, тотъ заяцъ въ сундукѣ, а сундукъ стоитъ на высокомъ дубу, тотъ дубъ Кощей пуще глаза своего бережетъ.

Разказала баба-яга Ивану царевичу, какъ дорогу къ тому дубу найти, и велѣла ему итти скорѣе.

Пошелъ Иванъ-царевичъ. Отыскалъ дубъ и не знаетъ, какъ ему сундукъ достать.

Вдругъ, откуда ни возмись, бѣжитъ медвѣдь. Схватилъ дубъ и выворотилъ его съ корнемъ. Сундукъ упалъ съ дерева и разбился. Выскочилъ изъ сундука заяцъ и во всю прыть бѣжать пустился, а за нимъ ужъ другой заяцъ гонится; догналъ его, схватилъ и въ ключья разорвалъ. Изъ зайца вылетѣла утка и поднялась высоко-высоко надъ моремъ. Налетѣлъ на нее соколъ, ударилъ въ голову и убилъ наповалъ. Выронила тогда утка яйцо, и упало оно въ море.

Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами. Думаетъ, гадаетъ, какъ яйцо ему со дна морского достать.

Вдругъ подплываетъ
къ берегу щука, — въ
зубахъ у нея яйцо. Об-
радовался царевичъ,
взялъ яйцо, разбилъ,
досталъ иглу и отломилъ
кончикъ.

Пришла смерть Ко-
щею.

Идетъ Иванъ - царе-
вичъ въ домъ къ нему,
а подь окномъ сидитъ

Василиса Прекрасная, улыбается, зоветъ его въ горницу.

Отдохнуль Иванъ-царевичъ послѣ длиннаго пути и вмѣстѣ съ женою возвратился домой.

Стали послѣ того они жить себѣ на радость, людямъ на славу.

